

«ЧТО ТАКОЕ ОСЕНЬ...»

22-го сентября в России началась астрономическая осень.

Почему нас так всегда тревожит наступление осени? Почему мы так волнуемся, тревожимся, впадаем в депрессию?

Может быть, потому, что эта жестокая «леди-осень», не церемонясь, показывает нам, как хрупко все прекрасное, изобильное, казавшееся таким сильным и прочным – как оно рушится в один момент! Воистину, «в природе не сыскать пронзительнее мига», когда мы так остро чувствуем свою уязвимость и уязвимость всего, что нам дорого. Помните, как потрясло Маленького принца открытие, что его Роза «эфемерна», его краса и радость тоже недолговечна?!

Но пробуя непередаваемый, терпкий вкус осени, слушая ее мелодику с весомой «дозой грусти», мы с особой силой начинаем ценить и беречь, все, что нами любимо. Спасибо осени за то, что она обостряет наше чувство любви, трепетной нежности, негибкой верности, вечной тоски по абсолюту! Вот когда мы особенно жаждем и страждем «любви навсегда», страстно мечтаем об этом «обыкновенном чуде»!

Между тем, умом мы, конечно, понимаем, что «навсегда» - это не более, чем прекрасная метафора. И «любовь навсегда» являет себя либо в яростном всплеске юношеского максимализма, как у Ромео и Джульетты.

Всплывает в памяти протестное стихотворение молодой Ю.Мориц «На смерть Джульетты»

Опомнись! Что ты делаешь, Джульетта?

Освободись, окрихни этот сброд.

Зачем ты так чудовищно одета,

Остра, отпета — под линейку рот?

Нет слаще жизни — где любовь крамольна,

Вражда законна, а закон бесстыж.

Не умирай, Джульетта, добровольно!

Вот гороскоп: наследника родишь...

Иногда же свое «навсегда» диктует безжалостная эпоха. Если мы уж начали с Ромео и Джульетты, то вот продолжение - повесть «Ромео, Джульетта и тьма» чешского писателя Яна Отченашека.

Прага времен фашистской оккупации. Юноша Павел – чех и девушка Эстер – еврейка. Он прячет ее в маленькой комнатке рядом с мастерской отца. Она понимает, что если ее найдут, погибнет не только она, но и ее любимый, его родители, их соседи. И она уходит, жертвуя собой, оставляя его с выжженным сердцем. Книга издавалась у нас в 1965 году издательством «Молодая гвардия»; сейчас – только электронный доступ.

И самое трудное «навсегда» - это жизнь любви в реальном времени, реальном быте, где «любовная лодка» тысячи и тысячи раз бьется об этот самый пресловутый быт, изнуряясь, изнемогая, иногда совсем иссякая. Но иногда этот свет удается сохранить, донести до конца, укрывая истончающимися ладонями от ветра судьбы.

Люблю с грустной нежностью маленькую «миргородскую» повесть Н.В.Гоголя «Старосветские помещики». Когда читаешь это в молодости, кажется, боже мой, какие же они старые! А перечитываешь теперь – ему, Афанасию Ивановичу, - 60 лет, ей – Пульхерии Ивановне – 55...

Была у них своя любовная история – Афанасий Иванович в 30-ть лет «увез довольно ловко» Пульхерию Ивановну под венец! И вот живут они теперь уже тридцать лет «спокойной и уединенной жизнью», в «чистой и ясной простоте», где основными ежедневными событиями становятся трапезы, («оба старичка... очень любили покушать»).

Да, жизнь их событийно бедная и внутренней жизни они тоже не ведают. Разве только в их «бесхитростных душах» живет, теплится искренняя привязанность друг к другу. В их любви нет глубокого подтекста, их души друг с другом «не говорят», уж слишком они «бесхитростные», все их содержание уже исчерпалось. Вся их любовь ушла в уход, попечение друг друга. Пульхерия Ивановна на смертном своем одре беспокоится именно о «присмотре»: «...на кого оставить вас, кто присмотрит за вами». При этом, у них полный дом всякого рода прислуги, так что, вроде, «присмотреть»-то есть кому! Однако же, Пульхерия Ивановна понимает ту глубочайшую разницу, которая есть в простом «присмотре» и любовном «присмотре» - «нужно, чтоб любил вас тот, кто будет ухаживать за вами... При этом на лице ее выразилась такая глубокая, такая сокрушительная сердечная жалость...».

И впрямь на Афанасия Ивановича, вдруг разделенного с его «подругой, сопровождавшей его всю жизнь», больно смотреть – так потерян он, так неутешен в своей утрате. «Мне казались детскими,- говорит автор,- все наши страсти против этой долгой, медленной, почти бесчувственной привычки».

Очень важное это «почти»! Есть, есть здесь чувство, но не нашло оно в душе ресурсов, чтобы вырасти, оформиться, осознаться и высказаться. «Бедное ее пламя», - говорит автор. Но все же пламя, дарящее тепло и свет – пусть это тепло и свет слабые, но даже слабый свет он не тьма!

И в завершение, еще одна картина о «настоящей любви навсегда» и высокой плате за нее - на этот раз поэтическая:

Николай Заболоцкий.

«Старость»

Простые, тихие, седые,
Он с палкой, с зонтиком она, -
Они на листья золотые
Глядят, гуляя дотемна.
Их речь уже немногословна,
Без слов понятен каждый взгляд,
Но души их светло и ровно
Об очень многом говорят.
В неясной мгле существования
Был неприметен их удел,
И животворный свет страданья
Над ними медленно горел.
Изнемогая, как калеки,
Под гнетом слабостей своих,
В одно единое навеки
Слились живые души их.
И знанья малая частица
Открылась им на склоне лет,
Что счастье наше — лишь зарница,
Лишь отдаленный слабый свет.
Оно так редко нам мелькает,
Такого требует труда!

Оно так быстро потухает

И исчезает навсегда!

Как ни лелей его в ладонях

И как к груди ни прижимай, -

Дитя зари, на светлых конях

Оно умчится в дальний край!

Простые, тихие, седые,

Он с палкой, с зонтиком она, -

Они на листья золотые

Глядят, гуляя дотемна.

Теперь уж им, наверно, легче,

Теперь всё страшное ушло,

И только души их, как свечи,

Струят последнее тепло.

Вот и здесь герои «глядят на листья золотые» и открывают в этом созерцании осени свою «знанья малую частицу»...

И нам всем того же!